

ТЕЛЕСНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ ПОЭЗИИ (на материале текстов Анастасии Афанасьевой)*

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых: МК-9349.2016.6 - "Языковые средства репрезентации идентичности в автодокументальных текстах: лингвокогнитивное моделирование".

SOMATIC LEXICON IN MODERN NETWORK POETRY: THE LANGUAGE AND SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD (on the material of texts by Anastasya Afanaseva)

D. Minets

Annotation

The category of a body is the major category at the analysis of the world of a work of art. In article the author considers functions of somatic lexicon in modern network poetry on a material of texts of Anastasya Afanaseva. The somatic lexicon dominates over poetry of Anastasya Afanaseva. The stylistic and semantic differentiation of somatic lexicon is connected with different functions of somatic lexicon. It depends on poetic problems of the author. Originality of author's processing of somatic images is expansion of somatic images. It not only parts of a body, but also internal bodies, a cellular structure. In texts of the poet they join in new contexts on subjects.

Keywords: somatic lexicon, corporal lexicon, network poetry, a language picture of the world, a scientific picture of the world.

Минец Диана Владимировна
К.филол.н., доцент,
Череповецкий государственный
университет, г. Череповец

Аннотация

Категория телесности является одной из важнейших при анализе мира художественного произведения. В рамках настоящей статьи рассматривается функционал соматической лексики в современной сетевой поэзии (на материале текстов Анастасии Афанасьевой). Соматическая лексика в поэзии Афанасьевой является активной (более того – доминантной) лексической группой. В работе осуществлена тематическая классификация соматизмов: общие обозначения тела; части тела, органы (делится на частные подгруппы); кости, хрящи, костные образования; мышцы, мускулы, сухожилия; кроме того, в особую группу выделены медицинские препараты и медицинские диагнозы.

Ключевые слова:

Соматизм, телесная лексика, сетевая поэзия, языковая картина мира, научная картина мира.

В настоящее время нельзя не отметить значительный рост интереса к проблеме телесного бытия человека. Это связано с тем, что в предшествующую эпоху категория телесности находилась под запретом, а в культуре человек представлял как бестелесное существо. Данный факт был обусловлен христианской традицией, которая осуждала тело и противопоставляла ему бессмертную душу.

Другая не менее важная традиция, по замечанию Е. Фарино [11; 202], – "мещанская", культивировавшая разделение на "человека общественного" и "человека частного, интимного" и запрещавшая опубликование последней его ипостаси. Наконец, табу на экспликацию телесного было также связано с философской традицией рационализма, в которой человек воспринимался как существо рациональное и принципиально "бестелесное". В результате такого одностороннего подхода к человеку биологический аспект телесности оставался в тени. Од-

нако в начале XX века интерес к телесному бытию человека резко повышается, и этот фундаментальный сдвиг отражается в художественной литературе.

Категория телесности является важнейшей при анализе мира художественного произведения XXI века: человек в литературе Нового времени оказывается существом "психофизиологическим", поэтому, как отмечает Е. Фарино, "человеческое тело, его строение и физиологические функции семиотизируются отдельными культурами не в меньшей степени, чем, скажем, внешний вид или костюм" [11; 202].

Анастасию Афанасьеву считают "одним из самых значительных поэтов русскоязычного культурного пространства и наиболее активных создателей современного русского поэтического языка" [6; 181]. Она – автор стихотворных и прозаических сборников "Бедные белые люди" (2005), "Голоса говорят" (2007), "Белые стены"

(2010), "Солдат белый, солдат чёрный" (2010), "Полый шар" (2012), а также множества поэтических и прозаических публикаций в печатных и электронных российских журналах ("Вавилон", "Воздух", "Новый мир", "Урал", "Новое литературное обозрение", "Союз писателей", "ШО", "РЕЦ", "TextOnly", "В моей жизни"); шорт-листер премии "Дебют" (2003), "Содружество дебютов" (2008); лауреат премии журнала "РЕЦ" (2005), "Русской премии" (2006), премии "ЛитератураРентген" (2007); ее стихи переведены на английский, итальянский, украинский и белорусский языки. Анастасия Афанасьева живет в Украине, в Харькове, работает судебно-психиатрическим экспертом в одной из харьковских психиатрических больниц.

В рамках настоящей работы анализируются поэтические сборники Анастасии Афанасьевой "Бедные белые люди" (2005), "Голоса говорят" (2007), "Белые стены" (2010), "Солдат белый, солдат чёрный" (2010), "Полый шар" (2012). Методом сплошной выборки из поэтических текстов рассматриваемого автора было извлечено 75 соматических единиц.

Под соматической лексикой в данном случае понимается совокупность слов, обозначающих человека как живой организм [7, 8, 10]. К соматизмам относятся слова, обозначающие части тела и лица, органы, элементы внутренних систем, кожный и волосной покровы и пр. Соматическая лексика определена в работе как тематическая группа, то есть группа слов одной части речи, объединенных по принципу их предметной отнесенности.

Основной пласт соматической лексики в поэзии Анастасии Афанасьевой представляет собой нейтральные единицы, обозначающие части тела и лица, органы, покровы и системы. Так, нарочито "телесными" в этом отношении являются ранние тексты Афанасьевой:

"Хотелось бы некоторые вопросы / Поставить ребром, а некоторые под ребро, / Ткнуть указательным пальцем и сказать: / Это что за впадинка между ребер? / Нужна ли она для того, чтобы / Продольно вложить в нее палец кого-то родного, / Или чтобы вложить в нее сантиметровую ленту, / Или еще для чего / Больше того: как ее имя, впадинки? / Впадинка - это прозвание, межреберная борозда - / Анатомическое название, а имя-то как? / А не знаешь, и я не знаю" [2; 10].

Анатомическая терминология вступает в синонимические отношения с узусными понятиями. Область межреберья становится наиболее частым объектом поэтических интенций автора (ср.: отсылки к копыю Лонгина – согласно Евангелию от Иоанна, пика, которую римский воин Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на кресте):

"Ты напоминаешь мне о главном, поэтому я / Хочу ткнуть

тебя пальцем между ребер, а потом выше..." [2; 14].

Прежде всего, соматизмы в текстах поэта употребляются в своих прямых "телесных" значениях:

◆ **"организм"**: *"Я - это тело, как ни странно, это ощущение в области угла, где сходятся ребра"* [3; 32];

◆ **"часть тела"**: *"В месте, где голова начинает кружиться от невидимого вращения, - мир кажется неподвижным"* [1; 11];

◆ **"конечность"**: *"И бог знает чем еще - / Когда смерть пришла к ней, подступила к самой ее шее, / Я больше не захотел ее узнать и перестал звать ее. / Но она гуляла сама между прозрачными клетками воздуха, / Залетала в мои ноздри, сердце, руки, веки, / Жила в голосе реаниматолога, отвечающего "шансов почти нет"* [1; 15];

◆ **"орган"**: *"А где-то известный миф выходит из пены / Кухня в самом сердце всего" [2; 16], "Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя красным на ее легких выведено"* [3; 13];

◆ **"часть скелета"**: *"Руки ее сильны и кости торчат некрасиво"*;

◆ **"клеточное строение организма, кровеносная система"**: *"Пережимаешь сосуды до уничтожения ритма, / Не дышишь почти что, а он - / Ежесекундно течет в любом капилляре"* [3; 72], *"Не объять твои клеточки, сеточки, твой фотосинтез"* [3; 64].

Соматизмы являются как субъектами, так и объектами образного употребления. Парадигмы образов в этой лексической группе свидетельствуют о взаимопроникновении мира и человека: не только тело и его части соотносятся с окружающим миром, но и мир осмысливается в соматических образах (*"О простых вещах говорит шепотом, / Едва касаясь уха другого, / Едва веря в его барабанную перепонку"* [3; 64]; *"Гортань для звука едва разомкнув, / Замереть перед выходом голоса"* [4; 50]; *"Но тот не знаю кто стучится, / дрожит внутри мембрана слуха"* [4; 72]).

Поэт довольно часто моделирует внутренний мир человека по образу внешнего, материального мира, поэтому основным средством показа внутренней жизни человека является соматическая лексика, используемая во вторичных смыслах: *"Несоответствие это / В сосудистом ползании / Чувствует каждый эритроцит, / Что это: виброзвонок или бур или рокот / Грома - / Не разобрать / Просто звенит в ушах, / Отзываются в окнах / Стол, монитор, человек, книжные полки, кровать"* [2; 74].

Смерть как прекращение жизнедеятельности организма также подвергается нарочитой поэтической физиологизации: судебно-медицинская экспертная деятельность автора в этом смысле становится мотивационной основой частотных художественных образов на основе смерти или терминального состояния, возникающего в результате проникновения воды в легкие и дыхательные пути:

"С ним - вода, / Темно-синяя она, темно-синяя / В черных

легких / Вода"; "Когда под диафрагмой течет вода - / Кто диафрагма: рыба или беда? / Если она рыба или раба, / То это с ней как, навсегда? / Если вода выливается через рот, / Кто этот рот: рупор или молчун? / Если он рупор или топор.." [2; 68].

Мортальное значение доминирует среди переносных при непосредственном обращении к соматизмам. Последний пример иллюстрирует, кроме того, авторское обыгрывание идиомы "молчит, будто воды в рот набрал", которая также подразумевает под явлениями физиологической природы ментальную мотивацию.

Характерная концептуальная черта идиостиля А. Афанасьевой – нивелирование оппозиции "тело – душа", столь характерной для христианства, поэтому многие физиологические подробности являются средством характеристики не столько тела, сколько духа:

"Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя / красным на ее легких выведено?" [3; 22], "Пережимаешь сосуды / До уничтожения ритма, / Не дышишь почти что, а он - / Ежесекундно течет в любом капилляре" [3; 72].

Довольно часто "телесное" и "духовное" получают текстовое воплощение в пределах одной поэтической синтагмы, синтаксической конструкции: *"Прямой позвоночник - только вопрос силы воли. / Есть ли польза от кривой спины и поломанных рук?" [3; 73].*

Человек в текстах А. Афанасьевой существует лишь в пределах своего тела (дает о себе знать медицинский взгляд автора), в силу чего неслучайны поэтические сюжеты о попытках "удержать тело":

"Дедушка на плоту из собственных сосудов / Плывет по волнам, по волнам, / Плот расплетается как одуванчиковый венчик: / То там тромб, то там тромб. / Дедушка сжимает последний капилляр, / Выныривает иногда как рыба за мошкой, / Тогда вдруг узнает жену и дочь, / С каждым днем все реже, все меньше, / Дедушка уходит на дно, идет по дну как илоход, / Увязает глубже, / Разжимает кулак / Последний сосуд всплывает, / Плывет, / Прибивается к берегу, / Девочка-внучка находит: / "Мама, что это за красная ленточка?" [2; 101].

В текстах Афанасьевой соматизмы, встречающиеся чаще всего при описании главных героев, демонстрируют их отношение друг к другу, нередко воспроизводя обстановку интимности (эротические метафоры):

"...тревожные ожидания, что я причинил тебе, зачем / каждый твой электрический треск раздаётся во мне, / когда провожу ладонью от лба моей Наташи к лонному бугорку, / Какие перемены стучатся во мне, когда рука и грудная клетка нависают над ней / Я проникаю в нее с ощущением невыразимой храбрости, / Тающего сиротства?" [1; 21].

Итак, большая часть соматизмов употребляется в своих основных номинативных (телесных) значениях, но в текстах присутствует и доля соматизмов, которые выполняют художественно-выразительную функцию.

Первая группа соматизмов "Общие обозначения тела" включает в себя доминантную лексику "тело". Поэт довольно часто моделирует внутренний мир человека по образу внешнего, материального мира, поэтому основным средством показа внутренней жизни является соматическая лексика, используемая во вторичных метонимических смыслах:

"А девочка в соседнем подъезде с температурой сорок / С тяжёлым гриппом лежала и видела, что / Вода разливается по телу, по потолку, по всему дому" [2; 56].

Соматизм "тело" имеет метонимическое значение ("вместилище"), употреблен в составе фразеологизма "разливаться по телу".

Во вторую группу – "Кости, хрящи, костные образования" – входит 10 единиц: "кости" – 2, "ребро" – 3, "межреберная борозда" – 1, "кадык" – 1, "ключица" – 1, "грудина" – 2, "черепная коробка" – 1, "позвоночник" – 1, "сустав" – 1, "лонный бугорок" – 1.

Примеры: *"Хотелось бы некоторые вопросы / Поставить ребром, а некоторые под ребро / Ткнуть указательным пальцем и сказать: / Это что за впадинка между ребер?" [2; 10]* – основное номинативное (телесное) значение здесь совмещено с игровой функцией (совмещение прямого и переносного значений: ср. фразеологизм "поставить ребром"); *"Прямой позвоночник - только вопрос силы воли" [2; 15]* – так же, как и в первом примере, основное номинативное значение сочетается с игровой функцией ("прямой позвоночник" – внутренняя сила).

Третья группа – "Мышцы, мускулы, сухожилия" – состоит из следующих наименований: "мышца сердца" – 1, "миокард" – 1, "мышцы" – 1, "диафрагма" – 1, "брюшная аорта" – 1. Яркий пример с основным номинативным (телесным) значением:

"А когда она пришла, не ко мне, / А к моему единственному человеку, / Который, окруженный весенними почками, / Пробивающейся листвой, / Кирпичными стенами, кафельной плиткой, / Холодной кожей, мышцами, костями" [3; 57].

В другом примере – *"Но когда миокард твой станет таким большим, / Что будет способен перекачивать кровь по сосудам птицы огромной" [1; 20]* – телесное значение приобретает художественно-выразительную функцию (семантика смерти).

Следующая группа "Части тела, органы" включает шесть подгрупп. Первая – "Органы жизнедеятельности", складывающаяся из пяти единиц: "сердце" – 3, "живот" – 2, "легкие" – 1, "солнечное сплетение" – 1, "гортань" – 1.

Соматизмы данной группы несут в основном только номинативное (телесное) значение: *"Трогай живот, подосиновик, трогай и астры"* [2; 17]; *"Видишь ли ты, смотря сквозь нее: твое имя красным на ее легких выведено?"* [3; 22].

Вторая подгруппа "Кровь, клеточное строение" включает в себя 9 единиц: "сосуд" – 4, "капилляр" – 3, "эритроцит" – 1, "клетка" – 4, "ядро" – 1, "цитоплазма" – 1, "клеточная оболочка" – 1, "белок" – 1, "кровь" – 1. Нарочитая физиологичность нередко становится объектом игровых авторских интенций [9; 94]:

"Ядро, цитоплазма и клеточная оболочка требуют глоточка белка. / Смерть оказалась неожиданна и легка. / То же вчера сказала соседняя клетка. / А ей передала другая соседняя клетка. / Какая-то главная клетка уничтожает нас. / Скоро от сустава останется белая белая белизна" [2; 26].

Молекулярные подробности строения органа необходимы для образного описания биологического процесса смерти: смерть клетки предполагает распад белка (белок же в свою очередь предотвращает умирание клетки).

"Несоответствие это / в сосудистом ползании / чувствует каждый эритроцит, / Что это: виброзвонок или бур или рокот / грома - / не разобрать, / Просто звенит в ушах, / отзываются в окнах / стол, монитор, человек, книжные полки, кровать" [2; 74] – здесь Афанасьева очень тонко совмещает наивное (обывательское) и научное видение процессов в человеческом организме: повышение артериального давления – одна из самых частых причин появления звона в ушах; сердце накачивает кровь в артериальную систему, создавая в ней повышенное давление, в результате которого кровь движется в направлении капилляров.

Следующая подгруппа "Голова, лицо, органы чувств" насчитывает 11 наименований: "лоб" – 5, "лицо" – 1, "уши" – 6, "барабанная перепонка" – 1, "мембрана слуха" – 1, "голова" – 3, "глаза" – 2, "веки" – 1, "зрачки" – 2, "нос" – 1, "ноздри" – 1.

Примеры: *"Если бы ты была моим деревом, / Я бы удивлялся тебе так искренне и нелепо, / Что, наверно, привлек бы внимание общественности / Своим выражением лица"* [3; 57] – основная номинативная (телесная) функция. *"Это просто в ушах звенит / Словно магнитом притянута за уши лето"* [2; 73] – телесное значение приобретает игровую функцию (совмещение прямого и переносного значений: ср. фразеологизм "притянуть за уши").

Подгруппа "Конечности, руки, ноги" включает в себе 9 единиц: "руки" – 6, "пальцы" – 5, "ладонь" – 2, "кисти" – 2, "указательный" – 1, "средний" – 1, "безымянный" – 1, "мишинец" – 1, "кулак" – 1.

Примеры: *"Когда провожу ладонью от лба моей Наташи к лонному бугорку. / Ладонь скользит, / Такое шуришание, / Лоб*

сухой" [1; 31] – основное номинативное (телесное) значение; *"Там, где тонкие юноши с голубыми руками гладят друга друга и не боятся"* [1; 17] – телесное значение совмещено с игровой функцией (*"голубыми руками"* – сексуальное психическое отклонение).

Пятую подгруппу "Части туловища, тела" составляют 4 наименования: "плечо" – 3, "спина" – 2, "шея" – 2, "грудь" – 1.

Примеры: *"Маша сжимает его плечо. / Руки ее сильны и кости торчат некрасиво. / На морозе кисти белеют, краснеет нос. / Голубь в кроличьей шапке делает реверанс"* [3; 60]; *"Дорога оторвалась от земли / И лентой закрутилась вокруг моей шеи"* [1; 22] – основные номинативные (телесные) значения.

Последняя – "Волосы, кожный, роговой покров" насчитывает 2 единицы: "кожа" – 5, "волосы" – 1.

Примеры: *"А над грудиной, по коже, улиткой четвертого августа ползет - изнутри освещенная - капелька пота"* [2; 31]; *"А когда она пришла, не ко мне, / А к моему единственному человеку, / Который, окруженный весенними почками, / Пробивающейся листвой, / Кирпичными стенами, кафельной плиткой, / Холодной кожей, мышцами, костями"* [2; 5] – основные номинативные (телесные) значения.

Довольно часто соматическая лексика "провоцирует" использование сугубо медицинской терминологии – названий разного рода болезней; в том числе – в метонимической функции: *"У тебя болезнь, это хуже Альцгеймера, хуже шизофрении..."* [2; 14]. Нередко Афанасьева в своих текстах прибегает к коммуникативной тактике прямого медицинского совета: *"Ты одевайся тепло, / а не то ангина, / Бронхит, пневмония, / дружи, как положено с шарфом"* [2; 16].

Особый интерес представляет группа текстов сборника Анастасии Афанасьевой "Голоса говорят" (2007) под названием "Домашние стихи", репрезентирующая ряд бытовых пропозиций с точки зрения поэта-психодиагноста:

"Была соседка Маша. / Всегда была. / Не стало как-то внезапно. / Сначала слегла, / Отвезли в больницу, потом обратно. / Через день потеряла сознание, / И больше не обрела" [2; 90]; *"Соседку с первого этажа звали Ида Зусевна. / Она давно умерла, / Выбросилась из подъездного окна с пятого этажа, / Страдала бредом преследования"* [2; 91]; *"Другая соседка с первого этажа, / После смерти мужа у нее началась затяжная депрессия, / Лечили всем, потом электрошоками, / Этого не выдержала"* [2; 91].

Акциональные предикаты превращают поэтический текст в заключение судмедэксперта: логическая последовательность событий, повлекшая за собой летальный исход (смерть как факт, как чистый диктум).

В рамках данного цикла ("Домашние стихи") персонажи, как правило, идентифицируются посредством медицинского диагноза: ситуация довольно частая в текстах Анастасии Афанасьевой:

"Послушай, Зоя, / у тебя брат debil, сын шизофреник, / и сама ты какая-то не такая. ...Зоя не отвечает, она немая" [2; 25]; *"Квартира ниже пустует уже шесть лет. / Там жил сумасшедший сосед. / Шесть лет без выписки на Сабурке, / Он ждет, когда ему присудит Нобелевский комитет. / В детстве он говорил о себе в третьем лице"* [2; 91]: текст разрушает широко известный культурный миф "гений = сумасшедший", десакрализуя тем самым урбаноним "Сабурка": Сабурка – Харьковская областная клиническая психиатрическая больница № 3, один из крупнейших научных центров в области психиатрии Российской империи СССР.

Будучи по специальности врачом–психиатром, Анастасия Афанасьева нередко делает лейтмотивами образы лексико–семантической группы "психические отклонения", но не в качестве традиционного для русской литературы романтического, символического или мистического штампа, а как конкретное медицинское явление:

"Когда я вырасту, изобрету такой препарат, / Может быть, нейролептик, / Который навсегда усыпляет черного солдата. / Чтобы мамы всего мира были довольны" [1; 62] (нейролептики – группа лекарственных веществ, оказывающих успокаивающее действие на центральную нервную систему и устраняющие страх, тревогу, напряжение, галлюцинации, бред психических больных, также усиливающих действие наркотических снотворных и обезболивающих средств; "Солдат черный" как персонализация душевного, психического расстройства);

"Усатый доктор в фирменном халате разводит руками: / Тут редкий случай детского аутизма, / В будущем вероятно манифест шизофрении, / Ничего невозможно исправить" [3; 63]; *"А когда опускается яблоко / Прямо на затылок / И стучит себе что-то о чем-то, / То ты неврастеник, / Поднимаешь его, по ладони катаешь / И смотришь / Удивленно"* [3; 102].

Как правило, болезнь тела, по версии поэта, есть болезнь души, болезнь метафизическая: *"Я человек, потерявшийся в ангине. / Angina kakaia-to tat, / В переводе с латыни, - стенокардия. / Стенокардия, - по-русски / Почти что сжатое сердце. / Разожми же мое, я проснулся ночью / Мне страшно"* [1; 31].

Игровое переключение на латиницу имеет конечной целью акцентирование принципиальной телесной болез-

ненности поэтического субъекта: *"Человек, потерявшийся в ангине", "Angina kakaia-to tat"* [1; 31].

Объемная по своему составу лексико–семантическая группа "медицинские диагнозы" коррелирует с менее многочисленной "медицинские препараты":

"...меня тошнит от твоих карамельных крошек, от твоих сладостей понарошку, / угости меня горькой но-шпой, крошачимся анальгином, / убери от меня свой шпатель, Roshen, рафаэло..." [1; 17].

В текстах Афанасьевой соматизмы в абсолютном своем большинстве могут быть классифицированы следующим образом: "части тела", "внутренние органы", "клеточное строение" (микроструктура человеческого тела), причем при описании даже частей тела преобладают именно подробности анатомического характера, лишённые при этом интимного функционала:

"Откуда у тебя золото? / Вот и зубы золотые, и руки, и грудь, / И живот" [2; 27]. Поэтический субъект ее текстов – это прежде всего телесно воплощенный персонаж: *"Я - это тело, как ни странно, это ощущение в области угла, где сходятся ребра"* [3; 32].

Соматическая лексика в поэзии Афанасьевой является активной (более того, доминантной) лексической группой. Стилистическая и семантическая дифференциация соматической лексики соотносится с разными функциями соматизмов и продиктована поэтическими задачами автора. Разнообразие значений соматизмов в поэзии Афанасьевой говорит о том, что автор использует традиционную древнейшую форму представления человека в тексте – метонимическую, не только создающую телесный образ лирического "я", но и соотносящуюся с его духовным миром, с чувствами и эмоциями. Богатый семантический и словообразовательный потенциал, выразительная внутренняя форма и стилистическое разнообразие позволяют соматизмам активно взаимодействовать с другими словами в контексте на лексическом и грамматическом уровнях поэтического языка.

Это приводит к смысловому осложнению многих соматизмов в поэзии Анастасии Афанасьевой. Оригинальность авторской обработки соматических образов заключается, прежде всего, в расширении их круга (не только части тела, но и внутренние органы, клеточное строение), позволяющем включить их в новые по тематике контексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева А. Бедные белые люди. М.: АРГО–РИСК, 2005. 72с.
2. Афанасьева А. Белые стены. М.: НЛО, 2010. 144с.
3. Афанасьева А. Голоса говорят. М.: Европа, 2007. 144с.

4. Афанасьева А. Полный шар. М.: Русский Гулливер, 2012. 148с.
5. Анастасия Афанасьева на сайте сообщества "Полутона" // URL: <http://polutona.ru/?show=verdana> (дата обращения: 23.12.2015).
6. Балла О. Анастасия Афанасьева: "Литература сродни воздуху" (интервью журналу "Дружба народов") // Дружба народов, 2009. № 12. С. 181.
7. Клопотова Е. А. Соматическая лексика енисейских языков в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГПИ, 2002.
8. Козырев И. С. К истории формирования словарных составов русского и белорусского языков / И. С. Козырев; Орловский пединститут // Ученые записки / Курск. гос. пед. ин-т, Белгор. гос. пед. ин-т; под ред. Г. В. Денисевича, Г. И. Герасимова. Курск, 1966. Т.25. Вып.2: Краткие очерки по русскому языку. С. 212-217.
9. Минец Д.В. Метаморфозы телесности в поэзии Анастасии Афанасьевой: языковая и научная картины мира // Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6 – 7 ноября 2013 г.): Часть 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / Отв. ред. Н.П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 93 – 96.
10. Ракин А. П. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 320с.
11. Фарино Е. Тело. Анатомия. Метаморфозы // Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639с.

© Д.В. Минец, (dv.minets@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

12-й ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ФОРУМ 4-6 октября 2016, Москва, Россия

Москва

Наталья Тарасова

Тел /Факс: +7 495 249 49 03
moscow@minexforum.com

Лондон

Ирина Юхтина

Тел : +44 (0)207 520 9341
admin@minexforum.com